
Hope of Salvation Mission



Трейс Ливингстон Хилл



ГОЛОС В ПУСТЫНЕ

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2010

Серия «Дорога жизни»

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2010

P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Хилл Г. Л.

Голос в пустыне / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2010. — 336 с. —
(Дорога жизни)

ISBN 978-5-903010-19-6 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-15-8

Молодая учительница Маргарет Эрл покидает отчий дом и отправляется в Аризону, чтобы преподавать в местной школе.

По незнанию она сходит с поезда раньше своей остановки и оказывается ночью посреди дикой пустыни в полном одиночестве. Но Бог не оставляет Свое дитя в беде и казалось бы безвыходную ситуацию оборачивает во благо. Маргарет на помощь приходит юный красавец, беспечно проводящий свою жизнь и привыкший решать все вопросы с помощью оружия. Но девушка не остается перед ним в долгу. С искренней чистосердечностью она помогает ему исправить ошибки прошлого, встать на правильный путь и начать новую жизнь...

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.



1

Поезд, накренившись, резко затормозил и остановился. Маргарет Эрл, торопливо собрав вещи, поспешила к выходу.

Она переставила свой тяжелый чемодан с высокой подножки на неровную землю, а затем аккуратно прыгнула. Ни кондуктор, ни проводник, ни носильщик не помогли ей сойти с поезда, хотя все трое несколько минут назад сообщили, что скоро ее остановка. Где-то впереди она слышала голоса.

Возможно, что-то случилось с паровозом. Но где платформа? Может быть, у них не бывает платформ на этом Диком Западе? Или поезд был таким длинным, что ее вагон остановился за ней?

Она всматривалась в ночную темноту, пытаясь понять, чем были эти два или три пятнышка света вдали, танцующие подобно светлячкам. С трудом она смогла разглядеть движущиеся впереди фигуры, каждый из этих людей, видимо, держал в руках фонарь. Поезд был непривычно длинный. Неприятное чувство одиночества и пугающая неизвестность дрожью пробежали по ее телу. Возможно, ей не следовало выходить, пока кто-нибудь не пришел помочь ей. Вероятно, поезд еще не доехал до станции, и ей нужно вернуться назад и подождать. В то же время она боялась сделать что-нибудь не так.

На этой стороне железнодорожного пути не было видно никаких строений. И она стояла слишком близко к вагону, чтобы увидеть их на другой. Она решила дойти до конца поезда, чтобы посмотреть, но поскользнулась и упала на угольный мусор, разодрав коленки и поранив запястья.

Неожиданная паника овладела всем ее существом. Ей нужно вернуться в поезд, и не важно, что случится потом. Они не имели права высаживать ее здесь, далеко от платформы, ночью, неизвестно где. Если поезд тронется раньше, чем она сможет найти кондуктора, и она проедет свою станцию, то скажет ему, что он должен остановить поезд и позволить ей выйти. Конечно, он не мог ожидать от нее, что она выйдет из поезда вот так.

Она подняла тяжелый чемодан на высокую подножку, которая была теперь еще дальше от земли, потому что из-за ее падения угольная насыпь немного сползла и отодвинулась от железнодорожного пути. Затем, ухватившись за перила, она попыталась подтянуться, но паровоз, издав долгий шипящий звук, словно настроенный против нее, дернулся. Она снова упала. Следом за ней полетел чемодан, и они покатались вниз с железнодорожной насыпи, пока поезд, как нерадивая нянька, которая шлепнула своего подопечного и бросила его одного, легкомысленно удалялся в ночь.

Страх помог девушке подняться, несмотря на синяки и ушибы. Она умоляюще протянула руки к равнодушным вагонам, но те торопливо проезжали мимо — один, два, три... В ярко освещенных окнах были видны пассажиры, уютно и безопасно расположившиеся на своих местах и не замечавшие ее беды.

Бесполезный крик, попытка догнать, привлечь чье-нибудь внимание, болезненное чувство ужаса — и вот уже последний вагон с насмешливым постукиванием пролетел мимо, словно наслаждаясь ее несчастьем.

Маргарет не могла поверить в случившееся. Беспомощно уронив руки, она продолжала всматриваться в торопливо удаляющийся

ся поезд, в насмешливо качающийся огонек на последнем вагоне, время от времени злобно подмигивающий и быстро исчезающий из виду в глубокой ночи.

Задышавшись от волнения, она огляделась вокруг, чтобы увидеть станцию, которая еще мгновение назад казалась такой реальной. Но, о ужас! Ни на той, ни на этой стороне ничего не было!

Ночь была необъятной, подобно огромной площадке, ограниченной низким громадным куполом синего цвета с большими, самыми удивительными звездами из всех, какие она видела. Тяжелые фиолетово-зеленые и дымчатые тени нависали над землей, они казались еще темнее и ярче, чем бездонная синева ночного неба. Она словно попала в секретное место, где гнездятся тайны и куда не смеет вторгаться человек. Это было неправдоподобно, даже обыкновенная полынь, песок и пропитанные креозотом шпалы были окутаны красотой этой необитаемой ночи.

Кругом не было ни одного строения, способного нарушить очертание равнины цвета чернил, и ни одного дружелюбного огонька, чтобы обрадовать ее сердце. Поблизости не было даже деревьев, за исключением далекой линии горизонта, где тяжелая и еще более темная полоса могла означать лес. Ничего, абсолютно ничего в синем, глубоком, звездном своде вверху и в еще более синей темноте земли внизу кроме одного остроконечного столба впереди, похожего на черную мачту с перекладиной, которая, словно черная рука, была протянута навстречу пути.

Она подхватила багаж и заставила себя идти, хотя колени и запястья ныли, а чемодан был тяжелым.

Когда она подошла ближе, ее приветствовал легкий шум падающих капель; они падали на уголь около железной дороги. На столбе неясно вырисовывались очертания цистерны с водой. Теперь было ясно, что это была вода для паровоза, а она ошибочно приняла техническую остановку за станцию.

Она окончательно упала духом. Уронив багаж, девушка стояла, дрожа, с ужасом глядя на красивый безлюдный пейзаж; а затем,

как далекий мираж, который таял перед ее испуганными глазами, перед ней возникла картина: отец и мать, уютно устроившиеся у библиотечной лампы, коротают вечер. Возможно, в эту самую минуту они читали или разговаривали, стараясь не скучать по ней. Это было ее первое путешествие в одиночку. Она покинула отчий дом, чтобы стать учительницей. Что сказали бы родители, если бы увидели сейчас свою любимую, молодую и самоуверенную дочь, которую так неохотно отпустили, связав ее почти абсурдными обещаниями быть осторожной и не идти на риск?

И теперь она стояла одна около цистерны с водой, где-то на равнине Аризоны, не зная, сколько миль отделяет ее от человеческого жилья, примерно между девятью и десятью часами вечера. То, что случилось, казалось невозможным! Как будто она все еще спала! Всего несколько минут назад она была в ярко освещенном вагоне, окруженная сонными попутчиками-пассажирами, почти у цели. А сейчас, сделав все, как ей казалось, правильно, она оказалась выброшенной за борт!

Она протерла глаза и снова стала всматриваться в даль, куда вели железнодорожные пути, почти надеясь увидеть, что поезд возвращается за ней. Непременно, непременно кондуктор или проводник, который был так добр, обнаружит, что она пропала, и сделает что-нибудь. Он не может оставить ее одну в прерии! Это было бы слишком ужасно!

Это видение отца и матери где-то далеко, в лилово-зеленоватой дали, как оно потрясло ее! Лампа горела ярко и весело; она видела голову отца, его косматые седые волосы. Он повернулся к матери, чтобы сказать ей что-то, о чем прочитал в газете. Они сидели там, умиротворенные и почти счастливые за нее, а она, их маленькая девочка, стояла посреди ночи совсем одна, и только пустое, безжизненное железнодорожное полотно соединяло ее с миром людей. Она уронила голову на грудь и заплакала. Комок в горле душил ее, она всхлипывала, и слезы лились ручьем. Внезапно она услышала низкий, усиливающийся вой какого-то злого

дикого зверя, она подняла голову и застыла в ужасе, прижавшись к цистерне.

Это был вой койотов или волков. Она читала о них, но не ожидала встречи с ними в такой ситуации. Какой самоуверенной она была, принимая предложенную ей работу за блестящую возможность сделать замечательную карьеру! Какой беспечной она была! Ни койоты, ни индейцы, ни дикие ковбой-ученики — ничто ее не смущало. Наоборот, она говорила своей матери, как заманчиво было бы поехать в другой город, как если бы она была миссионеркой и ехала к дикарям. Школа, в которой она собиралась преподавать, имела очень хорошую репутацию. Ее знания латинского и немецкого и ее достижения в математике позволили ей получить это место, несмотря на наличие других претендентов. В этой школе ее известная всем тактичность должна была сотворить чудеса. Но что значили латынь, немецкий и математика сейчас? Могли ли они помочь ей взобраться на эту цистерну? А ее тактичность? Могла ли она помочь ей справиться с голодными волками?

Вой, казалось, становился ближе. Она бросила испуганный взгляд на неотзывчивую цистерну, которая неясно вырисовывалась в темноте высоко над головой. Ей было необходимо как-то забраться туда. Было опасно оставаться на земле. К тому же, вероятно, с высоты она сможет видеть дальше. Она увидит какой-нибудь огонек и позовет кого-нибудь на помощь.

Девушка нащупала грубые выступы, за которые цеплялись работники поезда, чтобы взобраться наверх, и Маргарет приготовилась проделать то же самое. Она пристроила свой чемодан внизу у подножия цистерны. Безопасно ли оставлять его здесь? Она читала о том, как койоты утащили топор из палаточной стоянки только из-за кожаного ремешка, которым была обмотана его рукоятка. Она не могла позволить себе остаться без вещей. Но как подняться наверх с тяжелым чемоданом? Неожиданно ей пришла мысль.

Ее простой дорожный плащ был обвязан шелковым поясом, мягким и длинным, который дважды оборачивался вокруг талии

и ниспадал концами с кисточками. Она поспешно развязала его и крепко привязала один конец к ручке чемодана, а другой — к запястью. Затем медленно, осторожно, глядя вверх, начала подниматься.

Расстояние, которое на самом деле было не таким уж большим, показалось ей многими милями. Воюющие звери, казалось, подходили все ближе, заставляя бешено колотиться ее сердце. Ее тело было в синяках и ныло после падения, а страх вызывал слабость. Выступы были далеко друг от друга, и каждый шаг вперед был болезненным и трудным. Наконец, когда она поднялась достаточно высоко, чтобы что-то видеть за цистерной, она почувствовала себя более уверенной и защищенной.

Но чемодан, который висел на шелковом поясе, больно тянул ее за руку. Ей нужно было крепко держаться там, где она стояла, и подтянуть чемодан до того, как она сделает следующий шаг. Прделав это, она закинула его на крышу цистерны и протолкнула подальше, на безопасное расстояние. Еще один длинный шаг на следующий выступ, и она оказалась рядом с чемоданом.

Цистерна была частично накрыта, и у девушки было достаточно места, чтобы сидеть, не опасаясь упасть внутрь и утонуть. В течение нескольких минут она была в состоянии только тихо сидеть, быть благодарной за это убежище и отдышаться после подъема; но красота ночи не могла оставить ее равнодушной. Какая чудесная небесная синева! Она никогда раньше не видела, чтобы небо ночью было синим. Ей всегда казалось, что оно было черным или серым. Фактически она не могла припомнить случая, чтобы видела такое чистое огромное небо, да она никогда и не замечала его раньше.

Это место выглядело, словно на картине Тейлора, изображающей Святую землю. Ей казалось, что сейчас появится пастух с посохом, и из смутных теней выйдут овцы, или Давид в белых одеждах и чалме с молитвенно поднятыми руками станет посреди глубокой фиолетовой темноты. Она бы не удивилась, если бы

впереди, за зарослями полыни, спрятались плоские крыши домов города, окруженного стеной. Точно такая же ночь и такой же пейзаж были, возможно, там, где мудрецы начали свое путешествие за звездой!

Но кто сможет долго сидеть на крышке цистерны с водой, в пустынной ночи, в одиночестве, и при этом размышлять об искусстве и истории? Ночь была прохладной, а вой казался еще более близким, чем раньше. Нигде не было никаких признаков света или жилья, и даже грузовой поезд не посылал свои приветственные огни на железнодорожный путь. Все вокруг было тихим, диким и безлюдным, хранящим лишь ужасающий звук звериного воя; Маргарет никогда не думала, что возможна такая тишина — страшная, дающая простор жутким голосам дикой природы.

Ушибы и царапины начинали жечь, ее пронизывал холод и, казалось, сгонял ее с высокого узенького сиденья. Тело онемело и покалывало, но она все еще не решалась двигаться. Неужели не придет поезд и не будет никакой помощи? Неужели ей придется просидеть здесь всю ночь? Кроме того, она находилась не так уж высоко над землей. «Могут ли дикие звери добраться сюда?» — размышляла она.

Внезапно, в недолгих паузах между воем койотов, она уловила какой-то звук. Тихий, повторяющийся, тяжелый звук, и достаточно далеко отсюда. Она огляделась по сторонам, желая понять, откуда он раздавался. Ей показалось, что за зарослями полыни она увидела движущуюся тень, на другой стороне железнодорожного пути. Но это могло быть плодом ее воображения, ложной фантазией, возникшей оттого, что она так долго глядела на скучившиеся кустарники в темном поле. И все-таки что-то заставило ее крикнуть. Услышав собственный голос, она закричала снова, еще громче, удивляясь тому, что не кричала раньше.

— На помощь! На помощь! — звала она. И опять: — На помощь! На помощь!

Темная тень помедлила и повернула в сторону девушки. Сейчас она уже ее видела. Что, если это был зверь, а не человек? Жуткий страх овладел ею; наконец, к ее великому облегчению, прозвучал гнусавый голос:

— Кто там?

Она хотела открыть рот, чтобы ответить, но вместо этого всхлипнула, после чего могла только плакать, приговаривая: «На помощь! На помощь!»

— Кто ты? — прогнусавил голос; и теперь она смогла разглядеть человека на лошади, подобно тени приближавшегося к ней по дороге.



2

Лошадь остановилась недалеко от железнодорожного пути, и наездник разразился потоком странных ругательств. Девушка вздрогнула и подумала, что встреча с диким зверем, возможно, оказалась бы предпочтительнее встречи с таким человеком. Однако этот поток ругательств был не более чем формальностью. Мужчина помолчал и обратился к ней:

— Как ты туда попала? Ты что, свалилась с неба или сама туда залезла?

Это был маленький жилистый человек с выдающимся щетинистым подбородком. Она смогла разглядеть его при свете звезд. В его похожем на обрубок подбородке было что-то, что ее бессознательно отталкивало. Он не был человеком, на которого было приятно смотреть, и даже в его голосе было что-то отталкивающее. Она подумала, что ночь, с ее одиночеством и неизвестными опасностями, была бы лучше, чем общество этого человека.

— Я по ошибке сошла с поезда, я подумала, что это моя станция, и прежде, чем я поняла, что ошиблась, поезд уехал, и я осталась здесь, — объяснила Маргарет с достоинством.

— А ты думала, он будет стоять здесь, на равнине, пока ты шляешься по цистернам с водой?

От холодного ужаса кровь стыла в ее жилах. Девушка помедлила секунду.

— Мне нужно попасть на станцию Эшленд. Не могли бы вы сказать, насколько это далеко отсюда и как мне до нее добраться? — ее голос звенел, как сосулька.

— Это примерно в двадцати милях, может, больше, а может, меньше, — ответил мужчина, выставляя вперед свой отвратительный подбородок. — Желаю хорошей прогулки. Я не знаю другого способа выбраться отсюда в это время ночью. Или можешь сидеть здесь тихо до утра...

— Сэр! — сказала Маргарет с чувством собственного достоинства, вспомнив о том, что она — учитель.

Человек развернул лошадь и дерзко взглянул на нее. Она почувствовала отвратительный запах виски.

— Слушай, ты, должно быть, что-то вроде молодой интеллигентки, да? Ты все сказала, что хотела? Мне пора ехать в лагерь. Это добрых пять миль отсюда, и я полдня не жрамши.

Слезы неожиданно хлынули из глаз девушки, ужас от того, что ей придется снова остаться одной посреди ночи, лишил ее последней капли мужества. Этот некрасивый человек пугал ее, но мысль об абсолютном одиночестве повергала ее в еще большее уныние.

— О! — закричала она, забыв о своем оскорбленном достоинстве, — вы ведь не собираетесь бросить меня здесь одну, правда? Здесь есть недалеко какое-нибудь место, где я могла бы остановиться на ночь?

— Ну, гостиниц здесь нет, если ты это имеешь в виду, — он бросил на нее хитрый, злобный взгляд. — Ты могла бы пойти в лагерь со мной, если бы поменьше задирала нос.

— В лагерь! — воскликнула Маргарет в унынии, раздумывая, что бы на это сказала ее мама. — А там есть женщины?

Громкий грубый хохот был ответом на ее вопрос.

— Ха, моя женщина, это уж точно; но она птица не такого высокого полета, как ты. Обычно мы не берем баб в лагерь. Если ты

хочешь поехать со мной, ты бы лучше слезала пошустрее, потому что я ждать не буду.

Дрожа от страха, Маргарет начала карабкаться вниз по грубой лестнице, шаг за шагом, а циничный человек продолжал спокойно сидеть в седле, не подавая никаких признаков желания помочь ей.

— Здесь нет прицепа для багажа, — проворчал он, увидев в ее руке чемодан. — Ну, полезай сама; как-нибудь справимся. Дай сюда багаж.

Маргарет испуганно стояла рядом с костлявой лошастью и ее неотесанным хозяином. Неужели он и правда ожидает, что она поедет верхом вместе с ним?

— А мне можно пойти пешком? — нерешительно произнесла она, надеясь, что он предложит ей так и сделать.

— Это как тебе будет угодно, — ответил человек равнодушно. — Попробуй, и ты сама увидишь!

Он сказал что-то своей лошади, и она нетерпеливо побежала вперед, в то время как девушка в ужасе пыталась поспеть за ней. По грубой, неровной земле, между креозотовыми кустами, зарослями полыни, кактусами, назад, на тропу. Мужчина, изредка оглядываясь на нее, ехал с чувством удовлетворения — молчаливая тень на темной лошади между лилово-зелеными группами других теней, — пока, выбившись из сил, девушка почти не потеряла его из виду. Она начала задыхаться, подвернула лодыжку и упала обеими руками на жалеющую кактусовую подстилку. Она закричала, умоляя его остановиться.

— Получила урок, да, сладкая? — презрительно ухмыльнулся он. — Ну, давай полезай сюда.

Он позволил ей влезть на седло за его спиной, не особенно помогая при этом. Но когда она села, то подумала, что лучше бы ей было оставаться внизу, подвергаясь опасности в пути, чем доверить себя этому существу, оказавшись в непосредственной близости к нему.

Время от времени, пока они продолжали путь, он доставал из кармана бутылку и делал глоток, становясь после этого еще более

развязным на язык. Маргарет хранила молчание, всякий раз пугаясь все больше, когда бутылка появлялась вновь. Наконец он предложил глотнуть и ей. Она отказалась с холодной вежливостью, чем, похоже, рассердила этого маленького человека, поскольку он неожиданно повернулся и свирепо на нее посмотрел.

— О, ты слишком хороша, чтобы выпить глоточек в хорошей компании, да? Ну так я тебе покажу, моя миленькая! Ты поцелуешь меня своими вишневыми губками, прежде чем мы сделаем еще шаг. Слышишь, моя сладкая? — И он повернулся, плотоядно глядя на нее, чтобы выполнить свою угрозу; но с криком ужаса Маргарет соскользнула на землю и побежала обратно по тропе так быстро, как только могла, пока не споткнулась и не упала в тени большого куста полыни, где так и осталась лежать, содрогаясь от рыданий.

Мужчина смотрел ей вслед мутными глазами, пока она совсем не скрылась из виду. Затем, злобно выставив вперед подбородок, он швырнул ей вслед чемодан и закричал:

— Прекрасно, милейшая, не садись в чужие сани. Будет тебе урок. — И он поскакал дальше, распевая песню пьяным голосом.

И снова Маргарет осталась одна под звездным небосводом, но на этот раз рядом не было дружественной цистерны с водой, которая могла служить ей защитой. Она попыталась собраться с мыслями. Воющие койоты, казалось, на какое-то время замолчали; по крайней мере, на ее шкале бед они стали занимать далеко не первое место. Теперь она чувствовала, что величайшей опасностью для нее был человек, и она была готова пожертвовать годовой зарплатой, чтобы только в безопасности вернуться назад к дружелюбной цистерне и милой старой железной дороге. Она тайком прокралась к тому месту, где, как ей слышалось, упал ее чемодан, и, подняв его, утомленно поплелась обратно по направлению к бочке с водой. Сможет ли она теперь найти дорогу? Тропа казалась такой неуловимой, и она плохо ориентировалась. Но делать было нечего. Она вздрагивала, стоило ей только вспомнить о мужчине, который только что был ее попутчиком.

Когда мужчина достиг лагеря, он распряг лошадь и, спотыкаясь, вошел в дверь бревенчатого барака, громко требуя чего-нибудь поесть.

В комнате на неструганных скамьях и койках сидели мужчины и курили свои трубки, тупо уставившись на потухающий огонь. Два коптящих керосиновых фонаря, которые свисали со штырей, вбитых высоко в бревна, бросали неровный свет на всю компанию — восьмерых мужчин — грубых и суровых от постоянных столкновений с бурной жизнью и непогодой. Они имели неухоженный вид: бороды были разлохмачены, волосы нечесаны, засаленные хлопковые рубашки расстегнуты на шее и мускулистые руки обнажены выше локтя, а преступления, печаль и тяжелая жизнь нестираемым отпечатком лежали на их лицах.

Среди них был один юноша, с гладким лицом и белой кожей, местами со здоровым румянцем, как у младенца. Его лицо тоже было жестким и напоминало собой суровую маску, как будто жизнь обошлась с ним неласково; но за всем этим угадывались благородные черты и сила духа, чего нельзя было полностью скрыть. Они называли его Малыш и считали, что именно его молодость делала его непохожим на них, потому что ему было всего двадцать четыре года, тогда как всем остальным — за сорок. Они делали, что было в их силах, чтобы помочь ему преодолеть свою природную чистоту, которую он унаследовал от рождения. Но хотя он и не останавливался ни перед чем, с легкостью играл свою роль хорошо искушенного человека, при этом в нем всегда сохранялось какое-то очарование, а в душе оставалось что-то нежное.

Он играл в карты, сидя за столом, с тремя мужчинами, когда вошел человек, оставивший Маргарет на ночной тропе, и даже не посмотрел на входную дверь.

Женщина, бледная, с безжизненным лицом, появилась в дверях хижины и покорно принялась собирать ужин для своего мужа.

— Я тут вез с собой девчонку, — начал хвастаться мужчина, опустившись на лавку около стола. — Я подумал, что вам, мужи-

кам, будет приятно ее увидеть, но она задирала нос, даже отказалась от глотка виски из моей бутылки и завизжала как дикая кошка, когда я поцеловал ее. Я нашел ее висящей на цистерне. Она вышла из поезда по ошибке. Какая-то заумная из вагона первого класса! Хороший урок для нее!

Парень поднял суровый взгляд с карт на мужчину, его острые глаза сверлили того насквозь.

— Где она сейчас? — спросил он твердо; и все собравшиеся мужчины почувствовали неловкость.

В его голосе снова послышалось то, что делало его не таким, как все.

Мужчина уловил это и зло огрызнулся в ответ:

— Бросил ее на тропе, а вслед швырнул ее дамские вещички. Мне они ни к чему. Для чего их только делают! Никому от них никакого проку, даже для дамочек. — И он принялся отвратительно гоготать.

Юноша бросил свои карты и, хлопнув дверью, вышел на улицу. Через пару минут мужчины услышали, как за баракком по направлению к тропе прошагали две лошади, но ни один из них не поднял глаз и не сказал ни слова.

Маргарет сидела в густой тени полыни, которая расползлась по краю тропы подобно огромной кляксе. Чемодан стоял рядом. Земля была холодной, и девушку бил озноб. Она затаила дыхание от напряжения и волнения, когда вдруг услышала вдалеке веселое насвистывание. Это была старая мелодия любовной песенки, теперь уже позабытой, избитая мелодия для шарманки; но как же чудесно она звучала сейчас!

Из пустыни я приду к тебе!

Ясный, музыкальный свист приближался, заставив перепуганную Маргарет снова напрячься. Посмеет ли она рискнуть опять? Позвать ли ей на помощь или же затаить дыхание и не шевелить-

ся, в надежде на то, что он проедет мимо и не заметит ее? Но не успела она принять решение, как две лошади остановились почти у ее ног и всадник спрыгнул на землю. Он стоял перед ней так, как если бы сейчас был день и он мог отчетливо ее видеть.

— Не бойся, — сказал он спокойно. — Я подумал, что будет лучше, если я найду тебя сам. Старик вернулся домой и обо всем доложил. Он довольно сильно набрался и вряд ли годился на роль сопровождающего для дамы. Что случилось?

Он смотрел на нее подобно ангелу-освободителю, стоя в свете звезд четко очерченным силуэтом на фоне огромного, чудесного неба: широкоплечий, с коротко стриженными кудрями, привлекательными чертами лица, легко различимыми даже в темноте. Он распространял вокруг себя атмосферу спокойной силы, которая придала ей уверенность.

— О, благодарю вас! — выдохнула она, слегка всхлипнув. — Я так рада, что вы пришли. Я была... немного... напугана. — Она попыталась встать, но зацепилась ногой за юбку и снова бессильно упала на песок.

Молодой человек наклонился и поднял ее на ноги.

— Вы определенно отважная девушка! — прокомментировал он, оглядывая ее стройную фигурку, когда она выпрямилась и встала рядом с ним. — Немного напуганная, или как вы сказали? Ну, должен признаться, что у вас было на это полное право.

— Ну, не совсем напугана, — возразила Маргарет, глубоко вдохнув и стараясь говорить спокойным голосом. — Я думаю, я была скорее расстроена, чем напугана. Подумать только, я сделала такую ошибку — вышла с поезда, не доехав до своей станции. Видите ли, я приняла решение не бояться, но когда я услышала этот жуткий вой какого-то зверя... а потом этот ужасный человек! — Она вздрогнула и закрыла лицо руками, словно старалась забыть об этом.

— Хищники бывают разными! — прокомментировал юноша кратко. — Ну, о нем вам не стоит волноваться; он сейчас ужинает, а к нашему возвращению будет крепко спать.

— О, а нам обязательно идти туда, где он? — выдохнула Маргарет. — Неужели нет никакого другого места? Эшленд далеко отсюда? Я ехала в Эшленд.

— На сегодня другого места нет. Эшленд находится отсюда в двадцати пяти милях. Но с вами все будет в порядке. Матушка Уоллис присмотрит за вами. Она не самый лучший сторож, но у нее доброе сердце. Однажды она вытащила меня из беды, когда я едва не отдал Богу душу. Пойдемте же. Вы, должно быть, очень устали. Матушка Уоллис приготовит для вас постель, и завтра вы сможете встать пораньше.

Не извиняясь, как если бы это было обычной любезностью в пустыне, он наклонился и легко поднял ее в седло, вложил ей в руки узду, затем перебросил чемодан поперек седла второй лошади и вскочил на нее сам.